Н.М. Садыков

К вопросу о формировании идеи естественного права в политико-правовой мысли Российской империи

On the formation of the idea of natural law in the political and legal thought of the Russian Empire

Аннотация: В статье автор анализирует процесс формирования идеи естественного права в политико-правовой мысли Российской империи на примере работ авторов XVIII в. Делается вывод об актуальности изучения различных естественно-правовых концепций истории юридической науки для участников интеграционных процессов.

Summary: In the article the author analyzes the formation of the idea of natural law in the political and legal thought of the Russian Empire by studying the authors of the XVIII century. The conclusion about the relevance of the study of various natural law concepts in jurisprudence for the participants of the integration processes is made.

Ключевые слова: Интеграционные процессы; юридическая мысль; естественное право; актуальность изучения.

Keywords: Integration processes; legal thought; natural right; relevance of the study.

Садыков
Нарман Мырзахметович
Астана,
Республика Казахстан,
Главный специалист ТОО
«Камкорлык-KZ»
startkz@mail.ru

Sadykov
Narman Myrzahmetovich
Astana,
Kazakhstan
Chief Specialist, LLP «Kamkorlyk-KZ»
startkz@mail.ru

Интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, пока еще не затронули достаточно глубоко сферу мировоззрения, фундаментальных идеологических и, в частности, теоретико-правовых представлений. Очевидно, однако, что за этапом простого согласования национальных законодательств на чисто прагматических началах последует поиск новых, приемлемых для всех стран-участниц интеграции теоретических концепций государства и права. Это, в свою очередь, предполагает ревизию имеющегося теоретического наследия, ревизию не менее масштабную, чем предпринятая в начале 1990-х гг. В частности, предстоит заново рассмотреть вопрос о соотношении различных естественно-правовых концепций и традиций исторической школы права в истории юридической мысли Российской империи, СССР и постсоветских государств.

Со времен перестройки популярна точка зрения: теория права в Российской империи формировалась преимущественно под влиянием немецкой исторической школы права, и лишь в конце XIX – начале XX вв. предпринимается попытка разработать оригинальные естественноправовые концепции (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, Б.А. Кистяковский, В.М. Гессен и др.). Обращение к истории естественноправовых теорий, анализ их содержания, эволюции, места

и роли в официальной идеологии Российской империи и мировоззрении образованной части общества, влияния на программы различных идейно-политических течений и т.д. представляется своевременным и актуальным.

Концепция естественного права, хорошо известная в Древней Руси в ее античной, христианской и отчасти ренессансной версиях, в начале XVIII в. была полностью пересмотрена, переосмыслена, переформулирована, фактически создана заново под влиянием современных европейских просветительских теорий. В «Послании митрополиту Даниилу» Федора Карпова «заметно знакомство автора с трудами Цицерона <…> Законы и государство Карпов рассматривал как результат общественной жизни и деятельности людей. Все законы он делил на три категории: естественные, божественные и положительные (государственные). Положительное законодательство принято на базе естественных и божественных законов и включает в свое содержание их справедливые требования» [6, с. 204]. К естественноправовой аргументации особенно охотно обращался князь Курбский в своей полемике с Иваном Грозным. Он приводит большую выдержку из речи Цицерона, что не всякое собрание людей может быть названо государством, а только то, которое устроено на началах права. Приведя эту мысль, Курбский указывает затем царю, что к своим воззрениям Цицерон пришел «по естественному закону». Следовательно, христианское государство также должно основываться на идее права [3, с. 253–254]. Эти идеи играют важную роль и в «Политике» Ю. Крижанича, утверждавшего, что «царь не может издавать законов, которые бы противоречили правде, “уроженному почтению” и “уроженному законоставию”, т. е. естественному праву» [3, с. 346].

И все же в целом теория естественного права оставалась невостребованной. Политический идеал Московской Руси вплоть до петровских реформ определялся «старинной формулой “тишина и покой”, которая символизировала благоустроенное и благоденствующее государство» [8, с. 6]. Реформы Петра сделали неизбежным пересмотр всех представлений о природе общества, права, государства. «Эти реформы поставили Россию перед вопросом адаптации правовых идей и принципов Западной Европы в той ситуации, когда отечественная, преимущественно религиозная, мысль оказалась не в состоянии следовать за быстрыми социальными преобразованиями» [8, с. 9-10]. Академик А.М. Панченко в статье «Начало петровской реформы: идейная подоплека» сформулировал гипотезу, согласно которой царь-реформатор в проведении своих реформ опирался на идеи Дж. Локка, бывшие в тот момент «последним словом» европейской политической и правовой мысли. Однако «практицизм – это мировоззрение, нуждающееся, как и всякое мировоззрение, в идеологическом обосновании» [8, с. 11-13]. Два мыслителя, француз Пьер Бейль и англичанин Джон Локк, оба эмигрировавшие в Голландию, издавали здесь сочинения по проблемам толеранции. В знаменитой «Эпистоле о толеранции» Локк провозглашал, что у церкви и государства разные цели и соответственно разные обязанности. Церковь заботится о спасении душ верующих, т. е. о вечности, государство же – о земном бытии своих сочленов и подданных, т.е. об их процветании и безопасном общежитии. Эта программа религиозной терпимости основывалась на теории естественного права, приверженцем которой был Локк и к которой он в той или иной степени обращался во всех своих сочинениях по моральной и политической философии – «Опыте о законе природы», «Опыте о веротерпимости», «Послании о веротерпимости», «Двух трактатах о правлении» [9]. С идеями Локка были знакомы его образованные русские современники и, вероятно, сам царь. А.М. Панченко отмечает: «Локком и его идеями живо интересовались в Москве. Книги проповедника веротерпимости (как и его коллеги Бейля) представлены в библиотеках сподвижников Петра» [9, с. 15].

Сегодня для всех участников интеграционных процессов важно рассмотрение роли, места и значения теории естественного пра-

ва в официальной идеологии основанной Петром Российской империи. Она должна была объяснять, оправдывать и обосновывать возникший новый государственный строй – абсолютную монархию. В отличие от европейских стран, где просветительская теория естественного права служила инструментом третьего сословия в его борьбе за равноправие, в России первоначально речь шла лишь о праве монарха на никем и ничем не ограниченную власть. В сочинениях Феофана Прокоповича «Слово о власти и чести царской» и «Правда воли монаршей» эта тенденция выражена вполне недвусмысленно. Он объясняет необходимость существования светской власти и подчинения властям божественной волей, но подвергает эту традиционную концепцию власти радикальному переосмыслению. Из естественных законов выводится в конечном счете необходимость подчинения власти, которая «не судима есть от человека, но единого Бога суду подлежит» [10, с. 35].

Прокопович не обращается ни к Локку, ни к другим европейским теоретикам естественного права, в трудах которых последнее использовалось для утверждения прав личности, он опирается исключительно на учения Гоббса, Гроция и Пуфендорфа, представляющих «этатистсткую» линию в раннепросветительской европейской философии права. Однако это не спасает его апологию абсолютизма от внутреннего противоречия, заложенного во всякой естественноправовой теории государства. Пусть повиновение государственной власти само по себе является естественным законом, как утверждает Прокопович, но это не единственный и не первоначальный «естественный закон». Следовательно, возникает возможность коллизии между ними, и если власть монарха основана на естественном праве, то она им же и ограничена. Поскольку «законам от Бога, яко в сердцах человеческих написанных, тако и в десятисловии переданным, повиноватися долженствует» [4, с. 14–15], повиновение воле суверена обязательно лишь до тех пор, пока ее требования не входят в прямое противоречие с естественными законами, «записанными в сердце» или в Священном писании. Прокопович упоминает о возможности ограничения власти суверена путем договора, тем самым признавая естественный закон юридически обязательным для верховной власти [10, с. 8].

Таким образом, уже в первом в России систематическом рассуждении о природе самодержавной власти, строго выдержанном в духе теории естественного права, мы обнаруживаем то внутреннее противоречие, которое в конце концов приведет к тому, что от апологии абсолютизма русское Просвещение в конце XVIII в. перейдет к его критике. Следует отметить, что возможность именно такой, критической по отношению к абсолютизму интерпретации естественноправовой теории государства была заложена с самого начала. Один век потребовался русской общественной мысли, чтобы, оставаясь в рамках просветительской естественноправовой теории, проделать путь от основных положений Ф. Прокоповича «власть державная естественному закону есть нужна» и «власть верховная от самого естества начало и вину приемлет» [10, с. 9] до констатации, что естественный закон и абсолютизм несовместимы, потому последний должен быть упразднен.

В сочинениях Прокоповича примечателен еще один аспект: специфическое для русского Просвещения соотношение теории естественного права и теории общественного договора. Несмотря на то, что теория общественного договора в версии Локка была хорошо известна в России петровского времени, Прокопович ее не использует. Он понимает общественный договор по Гоббсу, не возникает даже вопроса об условиях подчинения суверену и возможности «пересмотреть» общественный договор, если власть не выполняет своих «обязательств» перед подданными, нарушает их естественные права. Государство, согласно Прокоповичу, есть именно «левиафан», не связанный никакими ограничениями, а теория общественного договора служит лишь для объяснения его происхождения. Это первое в русской литературе обращение к теории общественного договора. За ним у Прокопо-

вича следует описание и краткий анализ трех возможных форм правления: «народодержавства», т.е. демократической республики, аристократической республики или олигархии, «когда не всем народом, но и не одного лица волею, но несколько избранных мужей сословием правится Отечество» и монархии («самодержавства, когда вся держава в руках единого лица держится») [10, с. 38–39]. Из европейских просветительских теорий естественного права отбирается только то, что может служить укреплению обновленного Петром самодержавия. Такова исходная идеологическая функция философии естественного права в России, предопределяющая ее отличия от ее европейских источников.

Очень скоро ситуация меняется. Просветительский историзм, в отличие от историзма XIX–XX вв., призван был лишь иллюстрировать, уточнять и дополнять чисто умозрительные построения, основанные на абстрактно-рационалистических представлениях о природе человека, общества, права, государства. Само накопление исторических сведений, их обобщение и теоретическое осмысление, включение в политико-философский дискурс готовили почву для последующего перехода к подлинно историческому мировоззрению. Выдающимся представителем этого этапа развития русской исторической, философской и политико-правовой мысли стал В.Н. Татищев. Опираясь на тех же классиков европейской школы философии естественного права, что и Прокопович, Татищев дополнил теорию общественного договора схематичной эволюционной теорией государства. Вслед за Прокоповичем он утверждал превосходство абсолютной монархии над всем другими формами правления, как в целом, так и в особенности применительно к России, одновременно высказывая «критические замечания, направленные на расширение сословных привилегий дворянства, повышение его роли в управлении государством. По мнению Татищева, представители бюрократии на местах наделены чрезмерной властью по отношению к дворянству. «Губернаторы и воеводы, надмерную над шляхетством власть имея, не токмо сами, но подьячим дают способ со шляхетством презрительно поступать и по своей воле их, когда хотят, употребляют и грабят» [1, с. 138–139]. Такое положение должно быть ликвидировано путем предоставления дворянам больших возможностей для участия в деятельности местных органов власти. Формально признавая, что законодательство «состоит единственно во власти монархической», Татищев, по существу, передает право подготовки законов высшему органу власти – Сенату [1, с. 140]. Идея разделения властей ярко проявляется в публицистических сочинениях («О надобности и пользе градских законов», «Разные рассуждения о правлении», «Размышления о законодательстве вообще», «О повреждении нравов») князя М.М. Щербатова, решительного сторонника ограничения абсолютизма и формирования независимого представительного органа власти, демонстрирующего основательное знакомство с европейскими политическими и юридическими теориями и активно привлекающего их для обоснования главного политического требования дворянской оппозиции.

Упомянув о Щербатове, мы перешли к екатерининской эпохе – одновременно и эпохе высшего развития русского Просвещения, и его идейного кризиса, когда начинает постепенно осознаваться внутренняя противоречивость его основополагающих философских и политических представлений, в том числе идеала просвещенного абсолютизма, реализовать который пыталась Екатерина Великая. Политико-правовые воззрения самой российской императрицы систематически изложены в «Наказе императрицы Екатерины II, данном Комиссии о сочинении нового Уложения» 1767 г. Здесь вполне очевидно влияние «Духа законов» Монтескье, выводившего различия в политическом строе и законодательстве различных стран из природных условий, однако важно другое: самодержавие, для Прокоповича основанное непосредственно на естественном праве, спустя 45 лет уже не кажется наилучшей формой правления «вообще», его требуется

оправдывать местными особенностями России, локальными природными и историческими факторами. С одной стороны, здесь сделан еще один шаг к историзму в объяснении общественных явлений, с другой – российское самодержавие в идеологическом плане явно переходит к обороне, оно уже не рискует предлагать себя в качестве высшей и самой совершенной формы политической организации, а лишь доказывает свою неизбежность в данном месте при данных обстоятельствах. Естественное же право теперь понимается, прежде всего, как «естественная вольность», как права отдельной личности [11, с. 73].

Типичным примером политического мировоззрения образованного человека екатерининской эпохи могут служить «Философические предложения» Я.П. Козельского. Это сочинение примечательно тем, что впервые в России философия права выделяется здесь в особую философскую дисциплину, самостоятельный раздел «практической, или нравоучительной философии». Философию права («юриспруденцию») Козельский отличает как от политической философии, составляющей другой раздел практической философии, так и от собственно законоведения («легиспруденции»), поскольку ее предметом является право, понимаемое как основание законотворчества: «в рассуждении зависимости или намерения право, или общее право, разделяется на многие особенные, как то: на право натуральное, право всемирное, или право народов, право гражданское и прочая» [7, с. 54]. Столь отчетливое различение права и закона в российской правовой мысли зафиксировано впервые именно у Козельского. Естественное право составляет важнейший предмет философии права, а естественные законы, наряду с божественными, превосходят по своему значению законы гражданские. «Философы называли все правила, ведущие нас к добродетели, даже и такие, которые выше сил человеческих, то есть выше человеческой натуры, натуральными законами; <…> но понеже божественные и гражданские законы даны человеку по сходству и приличеству с человечеством и с житием его в гражданстве, а не превосходящие сил его в обоих сих состояниях, то потому я и натуральными законами называю те законы, которые сходствуют с человеческою натурою, а не превосходят ее» [7, с. 128]. Что же касается государственной власти, то она происходит из общественного договора, и ее установления относятся к сфере гражданского права. «Власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним, основанное на праведном договоре, а сила в нем есть могущество производить все то в действо, что способствует его благополучию или неблагополучию» [7, с. 159]. Вся эта система представлений в целом достаточно архаична, хотя Козельский обнаруживает знакомство с трудами современных ему европейских мыслителей. Несмотря на традиционность этой системы, в ней проявляются черты новой эпохи.

Крупнейшим представителем философии права рассматриваемого периода является С.Е. Десницкий, и примечательно, что он практически не обращается к понятию естественного права, а использует исторический подход к правовым явлениям. Обучавшийся в Англии и усвоивший идеи Д. Юма и А. Смита Десницкий скептически относился к немецкой традиции, к учениям Гроция и Пуфендорфа, но был сторонником локковской теории разделения властей. Его первой работой в России стал меморандум «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». В главном своем теоретическом труде «Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции» (1768) Десницкий выделяет четыре этапа развития человечества: первобытный, пастушеский, хлебопашественный; коммерческий [5, с. 189]. Государство возникает на третьем, земледельческом этапе, но при этом оно служит лишь для защиты власти и прав меньшинства, и лишь на четвертом этапе становится гарантом прав всех. Впервые в истории российского правоведения функции государства выводились, таким образом, не из абстрактных представлений о природе человека и общества, а из исторического развития,

а понятие прогресса увязывалось с правами личности. И хотя Десницкий, как и его английские учителя, еще всецело принадлежит эпохе Просвещения, а его историзм выступает как ограниченный просветительский историзм, у него налицо попытка уйти от догм естественно-правовой теории, уже и в России начавшей оборачиваться против самого просвещенного абсолютизма.

Своего пика эта тенденция достигает в творчестве А.Н. Радищева. Несмотря на то, что фигура Радищева всегда привлекала внимание историков русской общественной мысли, его роль в эволюции русского Просвещения до сих пор не определена с достаточной полнотой и точностью. Радищев воспринимается как мыслитель, стоящий у истоков русского революционного движения, но гораздо вернее было бы рассматривать его мировоззрение как завершающий этап развития просветительского мировоззрения в России. Радищев целиком и полностью принадлежит завершающейся эпохе Просвещения, и теория естественного права составляет альфу и омегу его мировоззрения. Своими взглядами он обязан внимательному чтению Вольтера, Гельвеция, Руссо, Мабли, «Философских предложений» Козельского, публицистики Н.И. Новикова. Новым и неожиданным является только его вывод: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». В когорте русских просветителей он занимал особое место благодаря бескомпромиссному отрицанию демагогии «просвещенного абсолютизма» и скептическому отношению к реформам сверху. Такое видение проблемы приводило Радищева к выводу о возможности в России нового крестьянского восстания, которое низвергнет и самодержавие, и крепостное право [1, с. 188]. Обратив естественноправовую философию Просвещения против той самой «естественной» и «просвещенной» власти российских императоров, которая до сих пор успешно пользовалась этой философией в своих целях, Радищев следовал внутренней логике развития просветительской концепции естественного права, разрешал заложенные в ней изначально противоречия, точно так же, как и французские энциклопедисты и «отцы-основатели» США, но в совершенно иных условиях, при которых подобные взгляды не имели никакого практического значения и не могли быть востребованы. Он первым, но чрезвычайно убедительно показал неразрывную связь между российским абсолютизмом и крепостным правом, которое столь явно противоречило всякому естественному праву. Аргумент этот был неотразим, и тем самым рушилась вся тщательно возводимая со времен Феофана Прокоповича система объяснения и оправдания наличной политической реальности. Оставаясь политически незыблемым, в сфере идеологии самодержавие разом лишилось всякой опоры, оно теперь представало явлением иррациональным и, исходя из фундаментального для Просвещения требования рационализации всей социальной действительности, – подлежащим упразднению. Официальную идеологию российского государства срочно требовалось строить заново, с нуля, и уже на совсем иных началах. Их поиск стал основным содержанием всей умственной жизни России первой трети XIX в.

Использованная литература:

1. Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М.: Юридическая литература, 1999.

2. Антонов М.В. История правовой мысли России. СПб.: Высшая школа экономики, 2012.

3. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. М.: Территория будущего, 2006.

4. Гурвич Г.Д. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

5. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М.: Госполитиздат, 1952.

6. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма-Инфра, 1998.

7. Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником Я.П. Козельским. М.: ЛКИ, 2010.

8. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984.

9. См.: Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль, 1988.

10. Феофан Прокопович А.В. Правда воли монаршей во определении наследника державы своей уставом державнейшего Государя нашего Петра Великого, отца Отечества. М.: Оникс, 2012.

Цит. по: Екатерина II, имп. О величии России. – М.: ЭКСМО, 2003.